

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 903'(470,53)

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЛЁВШИНСКОЙ СТОЯНКИ БЛИЗ ПЕРМИ

О.Н. Бадер, И.В. Калинина

Институт археологии АН СССР, Государственный Эрмитаж, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34
irkalinina@yandex.ru

Анализируются материалы первого известного на территории Пермского края археологического памятника эпохи неолита – Лёвшинской стоянки. Делаются выводы о неоднородности материалов стоянки и возможности выделения комплексов эпохи мезолита, неолита и энеолита (гаринская культура).

Ключевые слова: мезолит, неолит, энеолит, каменный инвентарь, керамические комплексы, камская неолитическая культура, гаринская культура.

Эта статья была написана в 1973 г., но не была опубликована. Несмотря на то что со времени написания ее прошло сорок лет и одного из авторов, к сожалению, уже нет в живых, данное исследование не потеряло своей актуальности. Сегодня, когда рядом археологов подвергается сомнению правомерность выделения лёвшинского этапа в камской неолитической культуре [Чурилов, 2011, с.63–67], публикация материалов памятника, возможно, позволит снять некоторые вопросы.

Хочется обратить внимание на то, что авторы признают многослойность и сложность данного памятника для исследования. Ими выделяются мезолитический, два неолитических и более поздние комплексы. Однако у них не вызывает никакого сомнения необходимость и возможность выделения поздненеолитического комплекса, названного авторами по аналогии с памятником лёвшинским. В статье дается подробная характеристика керамического комплекса этого этапа, определяются его характерные черты, подчеркиваются отличия как от предыдущего, хуторского, этапа, так и от керамики эпохи раннего металла. Надеемся, что эта, пусть и запоздавшая, публикация послужит толчком к дальнейшим исследованиям неолита Прикамья.

При подготовке статьи к изданию возникли трудности. В первую очередь они связаны с отсутствием некоторых иллюстраций и не очень высоким качеством тех рисунков, которые все-таки удалось найти. Поэтому часть сносок на иллюстрации, которые присутствовали в оригинальном варианте статьи, были опущены. Также были поправлены с разрешения одного из авторов статьи отдельные опечатки и описки.

В остальном, текст статьи, написанной сорок лет назад, сохранен. В частности, не изменены такие названия, как турбинская культура бронзового века и др. Поэтому данную публикацию нужно рассматривать в историографическом контексте, как этап в развитии наших представлений о неолите – бронзовом веке Прикамья. Как справедливо отмечают авторы статьи, Лёвшинская стоянка сыграла очень заметную роль в изучении каменного века Восточной Европы, на нее существует огромное количество ссылок в научной литературе, в то время как подробной публикации материалов памятника, после работ А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева не отмечено¹.

I

Лёвшинская стоянка, открытая в 1891 г. И.Н. Глушковым, впервые раскопанная в 1925 г. А.В. Шмидтом, а затем в 1934 г. Н.А. Прокошевым, сыграла заметную роль в изучении неолита и энеолита Восточной Европы, ибо она явилась первым и единственным памятником этого времени в Приуралье и продолжала оставаться им на протяжении почти четверти века, со времени раскопок А.В. Шмидта. Лишь в 1947–1951 гг. Камской археологической экспедицией Молотовского университета была открыта серия новых поздненеолитических стоянок в Чусовском районе, а затем и в Среднем Прикамье наряду с большим числом более поздних.

Таким образом, представления о камском неолите сложились в советской археологии именно на основе изучения Лёвшинской стоянки, материалы которой использованы многими авторами в

обобщающих и частных работах и которая до сего времени служит одним из хронологических этапов не только для поздненеолитических культур Урала, но и для гораздо более широких территорий, Уралу смежных. И в наше время, когда мы располагаем в Прикамье большим числом открытых памятников, позволивших построить подробную периодизацию развития материальной культуры от конца неолита до конца бронзы, Лёвшинская стоянка продолжает сохранять значение как важный памятник, характерный для эпохи позднего неолита или энеолита. Его мы предложили обозначать в археологии Прикамья как лёвшинский, а затем чернашкинский этап.

Однако характер публикаций керамики в работах А.В. Шмидта [*Шмидт*, 1940, с.1–31] и Н.А. Прокошева [*Прокошев*, 1940а, с.3–43; 1940б] затрудняет использование ее для сравнения с керамикой других памятников, в частности, с керамикой многочисленных новых стоянок, укладываемых в последовательный ряд, в котором Лёвшинская стоянка должна занять вполне определенное место (в опубликованных таблицах лёвшинской керамики не достаёт профилей шеек сосудов, являющихся ценным признаком для культурно-хронологической классификации). Для того чтобы установить место Лёвшинской стоянки в нашей схеме, мы столкнулись с необходимостью более подробно изучить лёвшинскую керамику: известно, что этот сложный, консервативный и в то же время весьма распространенный элемент культуры служит одним из надежнейших оснований для хронологических и культурно-исторических определений. Возможность детального знакомства с керамикой Лёвшинской стоянки дали нам коллекция из раскопок А.В. Шмидта в 1925 г., хранящаяся в Пермском областном музее, коллекция из раскопок Н.А. Прокошева в 1934 г., хранящаяся в Государственном Эрмитаже, и небольшие собрания в некоторых других музеях Ленинграда и Урала.

Необходимость пересмотра и более полного изучения керамики Лёвшинской стоянки назрела, тем более, что рядом авторов [*Ефименко*, 1948; *Бадер*, 1949, 1950, 1953] были сделаны справедливые указания на хронологическую неоднородность материальной культуры, в частности керамики, Лёвшинской стоянки. Этот вывод вытекает даже из статистической таблицы находок орнаментированных и неорнаментированных керамических обломков, содержащейся в упомянутой работе Н.А. Прокошева [*Прокошев*, 1940а, с.3–43].

В настоящей статье авторы не ставят перед собой задачи дать сводное описание лёвшинского памятника, достаточно хорошо описанного в упомянутых работах А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева. Отметим только, что стоянка расположена на дюнообразных всхолмлениях не второй, а первой надпойменной бортовой террасы по общепринятой терминологии, что находится в соответствии с ее высотой 9–12 м над уровнем реки и ее песчаной структурой [*Бадер*, 1957]. Мы ставим своей целью показать неоднородность ранней керамики из Лёвшина, другими словами, неоднократность заселения лёвшинских дюн человеком, оставившим следы в стратиграфически едином песчаном культурном слое, и тем самым, внести существенные поправки во взгляды на характер лёвшинского памятника в целом и на его место в процессе историко-культурного развития Прикамья в эпоху первобытнообщинного строя.

Обширность лёвшинских дюн и разбросанность раскопок 1925 и 1934 гг. на расстояние до 300 м [*Шмидт*, 1940, рис. 1] облегчает вывод о расположении здесь не одного, а нескольких разновременных поселений, как это было в 1924 г. аналогичным образом установлено одним из авторов на знаменитых волосовских дюнах на Оке [*Бадер*, 1927].

С этой целью О.Н. Бадером после неоднократного осмотра лёвшинских дюн в конце 1940-х гг., в 1952 г. была детально изучена коллекция из раскопок 1925 г., хранящаяся в Пермском областном музее, а затем небольшая коллекция из более ранних сборов С.И. Сергеева, принадлежащая Свердловскому областному музею. В 1972–1974 гг. И.В. Калининой обработана коллекция из раскопок 1934 г., хранящаяся в Государственном Эрмитаже, а также небольшая коллекция в МАЭ.

Эти описания выполнены не в строго единой методике, поэтому они приведены в настоящей работе раздельно. Разделы I, II, III написаны первым из авторов, раздел IV – вторым, заключение принадлежит обоим авторам.

II

Отсутствие прослоек в культурном слое стоянки, его стратиграфическое единство, отмечаемое обоими руководителями раскопок, привело их к заключению о хронологическом единстве и содержащихся в нем культурных остатков. Но мы знаем, что на стоянках со слабыми песчаными поверхностями при последующих заселениях культурные остатки легко втаптываются в более ран-

ние отложения и смешиваются с ними. Не раз приходилось наблюдать смешение в одном слое культурных остатков эпохи мезолита с неолитическими и более поздними до русских включительно. В этом случае разделение смешанных комплексов возможно только с помощью типологического метода. Для этого такой более сложный элемент культуры как керамика служит более благодарным материалом; подразделение же кремня в его массовой части почти невозможно, оно достоверно только для наиболее типичных форм.

Обращаясь прежде всего к лёвшинскому кремню, нельзя не обратить внимания на редкость мелких ножевидных пластинок в материалах раскопок 1925 г., т.е. в восточной части дюны, и на обилие их в раскопках 1934 г., т.е. в центральной части дюны. В то же время керамический материал этих частей памятника не имеет существенных различий.

Статистическая таблица находок из раскопок 1934 г., приведенная Н.А. Прокошевым [*Прокошев*, 1940а, с. 33], показывает, что ножевидные пластинки без ретуши и с ретушью найдены почти исключительно в раскопах Ш и V и в соседнем раскопе А. Если посмотреть на составленный нами сводный план памятника (рис. 1), то нетрудно заметить, что три поименованных раскопа располагаются по-соседству, занимая центральную, наиболее возвышенную часть дюны. На западной оконечности дюны, в раскопе I, ножевидных пластинок найдено всего 5, на восточной, в раскопе IV, – только одна, а еще дальше, за раскопом А.В. Шмидта, – ни одной. В то же время в раскопах Ш, V и А обнаружены 79 ножевидных пластинок с ретушью и без нее, а также все имеющиеся в коллекции концевые скребки (4 экз.). Только отсюда происходят наконечники стрел из пластинок (4 экз.) и почти все мелкие нуклеусы (10 экз.), судя по иллюстрациям, микролитического характера.

Таким образом, в каменном инвентаре стоянки выделяется микролитический кремневый комплекс, насчитывающий до 100 предметов. Мы не располагаем точными данными о глубине залегания последних, но, судя по коллекционной описи раскопок 1934 г. (ГЭ), только 2 ножевидные пластинки найдены в «слое I» остальные залежали на более глубоких уровнях, в частности, в кюветках раскопов Ш и V. Кроме того, их преобладающая локализация на ограниченной, наиболее возвышенной площадке в центре дюны позволяет рассматривать указанные параметры как следы особого эпизода в заселении дюны человеком.

В настоящее время мы хорошо знаем, что техника скалывания ножевидных микропластинок не свойственна культуре камского неолита. Так, на стоянке Боровое озеро I ножевидные пластины и составляют всего 15% от общего числа их с отщепами, и они несут черты более грубой техники, зато на соседней мезолитической Нижнеадищевской стоянке доля их достигает 82%. Трудно предполагать принадлежность их и к позднеолитическому времени, поскольку они не обнаружены на других позднеолитических стоянках как Чернашка и ей подобные, а на наиболее ранних, смежных хронологически более поздних гаринских поселениях, как, например, на соседнем Астраханцевском поселении на озере Грязном, ножевидные пластины отсутствуют почти полностью.

В то же время, характер выделяемого микролитического комплекса полностью соответствует в современным представлениям о камской мезолитической культуре. Таковы ножевидные пластинки и соответствующие им нуклеусы, концевые и миниатюрные круглые скребочки, острия с ретушью по двум краям, а также наконечники стрел из ножевидных пластинок с черешками; при этом многие поделённые ножевидные пластинки имеют тонкую краевую ретушь, что типично для мезолитических вкладышей (рис. 2).

Выделены мезолитические комплексы еще на нескольких камских многослойных стоянках: Кама-Жулановской [*Бадер, Тихонов*, 1954], Тюремке I [*Бадер*, 1961а] и др. На ближайшей к Лёвшинской Нижнеадищевской стоянке, которую Н.А. Прокошев считал позднеолитической [*Прокошев*, 1940а], выделенный нами мезолитический комплекс оказался особенно богатым, а раскопками 1947 г. был обнаружен и нетронутый культурный слой с мезолитическими остатками, занимавший наиболее низкое стратиграфическое положение [*Бадер*, 1951, с. 14–32].

Судя по характеру кремневого материала, Лёвшинская мезолитическая стоянка принадлежит к числу наиболее поздних мезолитических стоянок Прикамья – не огурдинского, а нижнеадищевского типа [*Бадер*, 1966].

Теперь перейдем к рассмотрению более поздних комплексов Лёвшинской стоянки, включающих изделия из обожженной глины.

Ш

Коллекция остатков материальной культуры с Лёвшинской стоянки, хранящаяся в Пермском

областном краеведческом музее, почти целиком происходит из раскопок А.В. Шмидта в 1925 г. Часть ее была нашита на планшеты и находилась в экспозиции, другая же, основная, часть хранилась в фондах музея еще в полевой упаковке, в бумажных пакетах, на некоторых из которых сохранились надписи, сделанные рукой А.В. Шмидта: «Бродячие на дороге» (видимо, подъемный материал), «Бродячие на осыпи близ трул. 5.X-25», «Яма № II, 0-30, 5.X.25» и т.п. Имеется также керамика из сборов 1892 г. с наклейками «Лёвшинская 27.V.1892 г.» - видимо, из сборов И.Н. Глушкова.

Каменный материал состоит из кусков и осколков кремня и других пород камня, немногочисленных грузил из галек с перехватом и кремневых орудий, типы которых не добавляют ничего нового к материалам, опубликованным А.В. Шмидтом и Н.А. Прокошевым. Кроме того, при выявлении на стоянке нескольких разновременных комплексов и наш каменный инвентарь представляется смешанным, разобрать его по хронологическим группам не представляется возможным. Поэтому и описание его здесь нецелесообразно.

Позднее, в конце 1950-х гг. первым из авторов в Свердловском областном музее краеведения была осмотрена небольшая коллекция с Лёвшинской стоянки, составленная из старых сборов С.И. Сергеева и отмеченная шифром на предметах «Л.С.». Она включает два-три десятка черепков неолитического и ананьинского типа, не дающих ничего нового по сравнению с коллекцией Пермского музея, и нескольких кремневых предметов, в том числе два наконечника стрел неолитического типа.

Лёвшинская коллекция керамики Пермского музея состоит из 723 обломков (не считая ананьинских и еще более поздних), в большинстве своем совсем мелких, плохо сохранившихся, даже окатанных, что говорит о плохой сохранности всего культурного слоя, по крайней мере, в пунктах раскопок А.В. Шмидта. Попытку распределить обломки в соответствии с отдельными разбитыми когда-то сосудами нельзя считать вполне удачной именно из-за плохой сохранности керамики. Лишь 260 обломков вошли в эту разборку и в приведенное ныне описание, остальные, преимущественно очень мелкие или разрушившиеся, учтены лишь по некоторым признакам, например, по орнаменту. Удалось выделить обломки 134 сосудов, однако цифру эту нужно считать максимальной, ибо часть обломков с разным орнаментом могла относиться к одним и тем же сосудам с разнообразным орнаментом. Большинство сосудов представлено в каждом случае всего одним фрагментом, и лишь один сосуд насчитывает 55 обломков (сосуд 55).

По устойчивой комбинации некоторых существенных признаков: составу глиняного теста, форме сосудов (в особенности их шеек), способу обработки поверхности нижнеадшцевской керамика может быть разделена на два комплекса: первый или основной, к которому относятся 100 сосудов, и второй, включающий 34 сосуда. Опишем тот и другой отдельно, ибо есть основания предполагать их несовпадение во времени.

Основной керамический комплекс представлен обломками 100 сосудов и, несомненно, является более архаичным.

Плохая сохранность керамики не позволила реконструировать целиком ни одного сосуда. Судя по обломкам, сосуды были полуяйцевидной формы, с почти прямыми шейками, слегка сужающимися к венчику, который иногда был несколько отогнут наружу (рис. 3). В коллекции из раскопок Н.А. Прокошева (ГЭ) имеются обломки шеек и с более архаичным, неолитическим, профилем. Дно сосудов было скорее круглым, а не коническим.

Диаметры сосудов, измеренные всего 11 раз, варьируют от 42 до 18 см; чаще всего встречался диаметр в 36 (3 раза) и 38 см (2).

Толщина стенок представлена в табл. 1.

Соотношение толщины стенок и шеек установлено всего несколько раз: во всех случаях шейки оказались тоньше стенок на 1-2 мм.

Венчик только в одном случае по толщине равен шейке; во всех остальных случаях венчики тоньше шеек на 2, 3 и 4 мм. Утолщенные, плоские венчики, характерные для керамики гаринско-астраханцевского типа, в коллекции отсутствуют.

Толщина обломков днищ – от 10 до 15 мм.

Глиняное тесто у всех сосудов однородно: глина имеет примесь песка; в изломах единичных сосудов обнаружены следы шамота.

Поверхность сосудов одинаково обработана: и снаружи, и внутри все они хорошо сглажены,

скорее всего вручную.

Орнамент имеется на всех сосудах. Он исключительно штамповый: зубчатый, ямочный и линейный. Зубчатый штамп неширокий и довольно длинный, хотя нередко печатался не во всю длину. Ямочный орнамент почти всегда неглубокий, наносился концами палочек различной формы или их углами. Линейный штамп аналогичен зубчатому по очертаниям отличается от него лишь отсутствием зубчиков.

Зубчатый орнамент (рис. 3-4) имеется на 96% сосудов и обычно не сочетается с другими видами орнамента. Количественное соотношение элементов орнамента представлено в табл. 2. Лишь на одном сосуде, толстостенном и архаичном на вид, орнамент в виде неглубокой ямки покрывает большую часть сосуда - его среднюю и нижнюю трети (рис.4, 13).

Орнамент исключительно зональный, занимает всю наружную поверхность. Он заполняет орнаментальное поле не всегда густо, на некоторых сосудах между соседними зонами обнаружены значительные промежутки. На 6 сосудах из 22, сохранивших части шеек, имеется орнамент на внутренней стороне венчиков в виде ряда косо направленных отпечатков зубчатого штампа.

Узор не отличается разнообразием, преобладают круговые пояса из косых, наклонных отпечатков зубчатого штампа, иногда образующих горизонтальные «елочки». Тридцать семь сосудов, т.е. 37% сосудов имеют характерный зубчатый орнамент в виде остроугольного зигзага («шагающая гребенка») (рис.3, 12, 16). Встречается решетка, образующая ромбы (рис. 3, 1) и треугольник. На одном из наиболее толстостенных сосудов, орнаментированном сгруппированными попарно горизонтальными поясами неглубоких ямочных вдавлений, ближе к шейке имеются ромбы, состоящие из 5 косо направленных зубчатых отпечатков, вырисовывающихся на чистом фоне.

На трех сосудах имелись круглые сквозные отверстия, высверленные снаружи в нижней половине сосудов (рис. 4, 13).

Второй, более поздний керамический комплекс описываемой коллекции состоит из обломков максимум от 34 сосудов, из которых только 12 сохранили шейки. Сохранность этой керамики еще хуже из-за ее меньшей прочности.

Первой бросающейся в глаза особенностью этой керамики является ее пористость, легкость, неровная поверхность, что проистекает от растительных примесей к глине, выгоравших при обжиге. Характер примесей установить трудно; весьма возможно, это была толченая древесная кора (в настоящее время выяснено, что это выщелоченная примесь раковины. – *Е.Л.*). Эту примесь имеют все 34 сосуда.

Второе отличие рассматриваемой посуды от предыдущей – это обработка внутренней поверхности зубчатым орудием (штампом?), обнаруженное на многих сосудах. Иногда для обработки поверхности использовался пучок травы, а в двух случаях она сглажена каким-то мягким предметом, вероятно, рукой.

Форма сосудов по находившимся в нашем распоряжении фрагментам восстановлена быть не может, но по аналогии с материалом соседних стоянок и на основе отсутствия обломков плоских днищ, можно предположить о круглодонной форме сосудов; тем более что обломки двух круглых днищ обнаружены.

Небольшие обломки шеек не позволяют определить их диаметр. Можно полагать, что сосуды были крупные, за исключением одного очень маленького в виде чашечки без орнамента. Большинство шеек, как и в первой керамическом комплексе, ориентировано вертикально, но помимо упомянутой чашки, есть сосуд, имевший довольно высокую прямую шейку, резко отогнутую наружу.

В отличие от венчиков сосудов первого комплекса, венчики второго имеют характерную приплюснутость сверху, делающую их на 3-5 мм толще смежных частей шеек (рис. 5, 9). Половина шеек имеет на уплощениях венчиков орнамент в виде косо направленных отпечатков зубчатого штампа, полученных давлением сверху. На подобном же приплюснутом венчике отмечены, кроме того, широкие правильно чередующиеся вдавления, сделанные пальцем или другим предметом подобной формы, что придает венчику вид как бы гофрированного. Толщина приплюснутых венчиков достигает 12 и 15 мм.

Толщина стенок сосудов представлена в табл. 3. Возможность малого числа измерений делает нецелесообразным вычисление процентного соотношения.

Из 34 сосудов один (миниатюрный) вовсе не имеет орнамента, не имеет его и один обломок

днища.

На остальных 32 сосудах преобладает орнамент, нанесенный зубчатым штампом (на 29 из 32 сосудов); очень редко встречается орнамент в виде неправильной, неглубокой ямки и линейный. Оттиски разных штампов на одном сосуде отмечаются редко.

Орнаментальные узоры из-за незначительности размеров обломков описаны быть не могут. Остроугольный зигзаг («шагающая гребенка») присутствует. Орнаментальное поле заполнено не полно; из 127 обломков сосудов, невошедших в разборку, 62 вовсе не имеют орнамента.

Помимо двух разновременных керамических комплексов, выявленных на Лёвшинской стоянке в коллекции Пермского музея имеются редкие обломки ананьинской керамики, образец которой опубликован [Шмидт, 1940, рис. 2], и единичные находки еще более поздней, ломоватовской.

IV

В Эрмитажной коллекции Лёвшинской стоянки, включающей материалы раскопок Н.А. Прокошева 1934 г. и часть сборов 1931–1932 гг., выделяются несколько комплексов керамики.

Наиболее многочисленна неолитическая керамика. В коллекции насчитывается 700 фрагментов, относящихся, по-видимому, не менее чем к 120 сосудам. Глиняное тесто сосудов имеет примесь шамота, зерна которого иногда достигают более 2 мм в диаметре. Шамот придает большую механическую прочность керамике: расслаивающихся фрагментов в коллекции – менее 8%. У 15% сосудов в глиняном тесте обнаружена незначительная примесь мелкого песка. Иногда в изломе фрагментов наблюдается легкая пористость из-за употребления в качестве отошителя небольшого количества органической примеси. Присутствие в глиняном тесте небольших кусочков охры, возможно, объясняется природным составом используемых глин. У 9% сосудов в глиняном тесте обнаружена примесь талька. В большинстве случаев кусочки талька представляют собой мало заметные вкрапления. Фрагменты 3 % сосудов – жирные на ощупь, и кусочки талька хорошо различимы на их поверхности.

Изготовлены сосуды ленточным способом. Судя по пяти фрагментам, расслоившимся по стыку лент, подлент производился внахлест. Как правило, только на внутренней поверхности сосудов иногда прослеживаются неглубокие царапины и бороздки, имеющие преимущественно горизонтальное направление, – следы первоначального выравнивания поверхности пучком травы, щепкой или орудием типа современного кленика. Подобные следы уничтожались при последующем заглаживании стенок сосудов, для чего мог использоваться кусок кожи, смачиваемой в воде. Особенно тщательно сглаживалась внешняя поверхность сосудов. У 28% сосудов внешняя поверхность заглажена до блеска, а у 7% сосудов – и внутренняя поверхность. Вероятно, для этого использовалась окатанная галька.

В комплексе преобладают фрагменты серо-желтого цвета, 21% фрагментов имеют красноватый оттенок. Различие в окраске внешней и внутренней поверхности незначительно. Лишь отдельные фрагменты с внутренней стороны более темных, серых тонов. Часто в изломе фрагменты неоднородны по цвету. Встречаются двуслойные фрагменты – темный слой ближе к внутренней поверхности (в двух случаях – ближе к внешней поверхности), реже – трехслойные с темным слоем в середине. Толщина фрагментов от 0,7 до 1,3 см, подавляющего большинства фрагментов – 0,8–1,0 см.

Ни один сосуд полностью восстановить не удалось. Реконструкция посуды, предложенная Н.А. Прокошевым [Прокошев, 1940а, с.37, рис. 19] вызывает сомнения. Сосуды подобной, расширенной книзу, формы на древних поселениях Прикамья не встречаются. В коллекции фрагменты днищ отсутствуют. Несколько фрагментов придонных частей сосудов, по-видимому, принадлежали сосудам с округло-коническими днищами. Преобладают прямые венчики. Выявлены два отогнутых наружу венчика. Венчики, имеющие ту же толщину, что и стенки сосудов составляют 46 %, приотстрённые кверху – 9, расширенные кверху – 15. На долю венчиков с «наплывами» – налпными утолщениями с внутренней стороны, ниже обреза венчика, приходится 29%. Преобладают (72%) «наплывы» превышающие по толщине стени на 0,1–0,2 см. Реже встречаются «наплывы», которые толще стенок на 0,3 см и более. Ширина «наплыва», измеренная от наиболее выпуклой его части до обреза венчика, колеблется от 0,8 до 1,5 см. Обрезы венчиков различны: они либо округлые, либо срезанные горизонтально; либо симметричные – центральная часть среза перпендикулярна стенке сосуда (составляют 46%), либо асимметричные – центральная часть среза находится под некоторым углом (54%).

Диаметры 6 сосудов, измеренные по внутреннему краю обреза венчиков, колеблются от 10 до 40 см.

На внутренней поверхности 13% сосудов следы гари и накипи. На внешней поверхности сосудов гарь и накипь прослеживаются очень редко. На 13 фрагментах стенок и 3 фрагментах венчиков встречены конические сверлины, внешний диаметр которых 0,5 – 1,5 см, внутренний – 0,2 – 0,8 см (рис. 3, 18; 4, 1). Высверлены они уже на обожженных сосудах. Три фрагмента крупных сосудов имеют явные следы закрашивания охрой, на одном фрагменте – охра на внутренней стороне.

Около 68% сосудов орнаментированы гребенчатыми штампами, 6% – гладкими штампами (насечками), 23% – прочерченными линиями, 3% – ямчатыми вдавлениями. Насечки и ямчатые вдавления присутствуют на сосудах, по примесям, толщине стенок, обработке поверхности не отличающихся от гребенчатых сосудов. Комбинации гребенчатых оттисков с насечками отмечены на фрагментах 3 сосудов, гребенчатых оттисков с ямчатыми вдавлениями – на фрагментах 7 сосудов. Некоторые фрагменты, по-видимому, принадлежали сосудам, целиком орнаментированным насечками (5 сосудов) и ямчатыми вдавлениями (8).

Ямчатые вдавления наносились углом штампа или концом палочки и имели незначительную, неодинаковую глубину. Они разнообразны по форме. Круглые вдавления в отличие от ямок ямочно-гребенчатого неолита не столь правильной формы. Выпуклины от ямок на внутренней поверхности сосудов отсутствуют, за исключением одного венчика, где двум рядам глубоких наколов с внутренней стороны соответствуют два ряда «жемчужин».

Прочерченный орнамент наносился как палочкой с округлым концом, так, возможно, и заточенной каменной плиткой, дающей глубокий врез с подтреугольным сечением. Все фрагменты с примесью талька относятся к сосудам с прочерченным орнаментом, за исключением трех фрагментов с гребенчатыми оттисками, в которых прослеживаются очень незначительные вкрапления талька. Реже встречаются фрагменты с прочерченным орнаментом без примеси талька. Прочерченный орнамент вместе с гребенчатыми оттисками не встречен ни разу.

Гребенчатые орнаменты выполнялись штампами разной формы. Нередко при орнаментации сосудов использовались штампы двух (в двух случаях – трех) видов. Встречаются оттиски длиной до 3,5 см, чаще – от 1,5 до 2,5 см. На оттисках прослеживается от 5 до 25 зубчиков, больше 10 – сравнительно редко. Ширина оттисков колеблется от 1 до 2 мм, лишь иногда шире 2 мм. Преобладают отпечатки с зубчиками прямоугольной формы: 5% – с зубчиками, вытянутыми перпендикулярно длинной оси; 16% – с зубчиками, вытянутыми параллельно длинной оси; 8% – с квадратными, 9% – с косою нарезкой, 9% – с сегментовидными, 3% – с округлыми. Форма зубчиков в отпечатках не всегда зависит от формы зубчиков штампа. Так, сегментовидные (иногда приближающиеся к трапециевидным) отпечатки зубчиков получаются, когда штамп ставится не перпендикулярно, а под углом к поверхности сосуда. Судя по оттискам, подобный прием орнаментации для рассматриваемой керамики был не характерен. При нанесении орнамента, как правило, давление на каждый зубец штампа одинаково. Большее давление на верхние зубцы отмечено приблизительно на 4% сосудов, на нижние – на 5%, одновременно на верхние и нижние – на 5%.

На сосудах была обнаружена 41 разновидность орнаментальных композиций. Из них 35 выполнены гребенчатыми штампами. Для гребенчатых композиций характерно членение орнаментируемой поверхности на горизонтальные пояса: широкие зоны из длинных оттисков чередуются с узкими из коротких оттисков. Орнаментальные зоны вплотную примыкают друг к другу, и лишь на некоторых сосудах наблюдается незначительная разреженность орнаментов. У 64% сосудов орнамент начинается от края венчика, у 20% – в 0,2 – 1,3 см от края.

Гребенчатые композиции объединены нами в следующие группы:

Первая группа композиций (6 сосудов). Основные зоны образуют длинные, вертикально направленные оттиски. Разделительные зоны состоят из коротких оттисков (4), рядов горизонтально расположенных длинных оттисков (1); разделительную зону заменяет неорнаментированный пояс (1).

Вторая группа композиций (21 сосуд). Основные зоны из косо направленных длинных оттисков. Разделительные зоны отсутствуют (2) или образованы из рядов (от 1 до 3) ямчатых вдавлений (4). На остальных сосудах разделительные зоны такие же, как в первой группе композиций.

Третья группа композиций (10 сосудов). Основные зоны состоят из длинных оттисков, имеющих в соседних зонах наклон в разные стороны. Разделительные зоны отсутствуют (6) или пред-

ставляют собой горизонтальный зигзаг (1); на остальных сосудах эти зоны такие же, как и в первой группе.

Четвертая группа композиций (32 сосуда). Основные зоны включают ряды «шагающей гребенки». На 14 сосудах разделительные зоны отсутствуют, на 1 сосуде их заменяет неорнаментированный пояс, на 4 – ряды коротких овальных оттисков, на 1 – ряд ямчатых вдавлений, на 3 – горизонтальный зигзаг, выполненный короткими насечками, на 6 – ряды «шагающей гребенки» чередуются с рядами длинных наклонных гребенчатых оттисков, на 1 – с рядами вертикально направленных оттисков, на 2 – от горизонтальных рядов «шагающей гребенки» вниз направлены диагональные ряды «шагающей гребенки».

Пятая группа композиций (9 сосудов). Орнамент состоит из рядов коротких овальных оттисков, на 1 из рядов, разделенных неорнаментированными поясами, на 6 – горизонтальными рядами длинных оттисков, на 1 – горизонтальным зигзагом из коротких овальных оттисков, на 1 – от горизонтального ряда косо поставленных коротких овальных оттисков вниз направлены диагональные ряды таких же оттисков.

Шестая группа композиций (1 сосуд). Орнамент состоит из горизонтальных рядов взаимопроникающих заштрихованных треугольников, выполненных гребенчатым штампом и разделенных горизонтальными рядами длинных оттисков.

Седьмая группа композиций (1 сосуд). Орнамент имеет вид сетки с ромбическими ячейками из гребенчатых отпечатков.

Указанные композиции комбинируются на сосудах с разными по орнаменту бордюрными зонами, ширина которых не превышает 4 см. Для бордюрной зоны наиболее характерен (судя по частоте встречаемости на сосудах и числу вариантов сочетания с различными композициями) орнамент из косо расположенных коротких, овальных гребенчатых оттисков. Орнамент бордюрной зоны из горизонтального ряда коротких вертикальных насечек отмечен на сосудах с орнаментами пятой группы, орнамент из диагональных рядов коротких овальных гребенчатых оттисков – на сосудах с композициями второй группы, орнамент из гребенчатых оттисков в виде сетки с круглыми ямками в ячейках – на сосудах с орнаментами пятой группы. Из-за фрагментарности материала другие возможные сочетания орнаментов на сосудах не выяснены. На 13 сосудах бордюрная зона отсутствует: у 9 узор первой зоны совпадает с орнаментом основных зон, у 4 – с орнаментом разделительных зон.

Орнаменты из насечек состоят из горизонтальных рядов вертикально направленных насечек (1), горизонтальных рядов косо направленных, разделенных неорнаментированными поясами насечек (3); на 1 сосуде насечки в примыкающих друг к другу рядах имеют наклон в разные стороны.

Ямчатый орнамент на 8 сосудах представляет собой ряды вдавлений различной формы.

Прочерком на 9 сосудах выполнены композиции аналогичные гребенчатым шестой группы, на 2 сосудах – аналогичные композициям седьмой группы.

Прочерченный орнамент присутствует еще на 43 фрагментах. Эти фрагменты относятся к комплексу плоскодонной керамики с прочерченно-накольчатый орнаментом. Н.А. Прокошев не выделял эту керамику среди неолитической. По его мнению, бытовали крупные и небольшие сосуды, последние же имели либо конические, либо плоские днища [Прокошев, 1940а, с. 36].

Анализ плоскодонной керамики показывает, что она по всем признакам отлична от описанной ранее неолитической керамики. К этому комплексу относятся 1203 фрагмента. Фрагменты небольшие, большинство не превышает 3 см в диаметре. Толщина стенок от 0,5 до 0,7 см. Цвет поверхности серо-желтый, несколько фрагментов коричневато-красные. Внутренняя поверхность иногда темно-серого цвета. В изломе черепки часто черные, реже встречаются двухслойные и трехслойные по цвету. Глиняное тесто плотное с примесью очень мелкого песка. В изломе бывает заметна примесь шамота. На поверхности отмечены очень мелкие пустоты от выгоревших органических примесей. В одном фрагменте – примесь талька. Поверхность фрагментов более или менее выровнена, на некоторых – тщательно сглажена. На внутренней поверхности часто наблюдаются тонкие штрихи, возможно, от сглаживания поверхности пучком травы.

Остатки гари встречаются на внутренней, но чаще на внешней поверхности. На 7 фрагментах имеются конические сверлины с внешним диаметром 0,3 – 1,0 см, с внутренним – 0,2 – 0,6 см.

В трех случаях определен налест встык. Кроме опубликованного Н.А. Прокошевым плоского слегка вогнутого внутрь днища (рис. 7, 12), в коллекции имеются еще 33 обломка от по-

добных днищ. Толщина днищ около 1 см, т.е. они на несколько миллиметров толще стенок. Венчики прямые или слегка отогнуты наружу, реже вогнутые внутрь. Обрезы венчиков скруглены, срезы горизонтально или скошены внутрь.

Орнаментированные фрагменты составляют менее 15%. На орнаментированные венчики приходится 60% всех венчиков, на орнаментированные фрагменты стенок – менее 15%. Орнаменты состоят из мелких или более крупных наколов, расположенных отдельно или вплотную друг к другу. Выполнены они заостренной или с закругленным концом палочкой (Н.А. Прокошев не прав, утверждая, что орнамент наносился гребенчатым чеканом). Если при нанесении орнамента палочка не отрывалась от поверхности, то получался либо прочерк, либо при периодическом надавливании ячеистая линия – прием орнаментации «отступающая палочка». Между прочерком и «отступающей палочкой» нет резкой границы: при редком, слабом надавливании дно прочерчиваемой линии почти равное – «отступающая палочка» сближается с прочерком. На двух фрагментах оба приема орнаментации зафиксированы вместе, причем использовалась одна и та же палочка.

Орнаменты на венчиках состоят из рядов частых наколов, расстояние между рядами до 0,5 см (рис. 7). На одном венчике встречены диагональные ряды наколов, выполненные «отступающей палочкой». Прочерком наносились горизонтальные линии, зигзаг с более или менее скругленными углами, иногда перемежающийся с рядами наколов. Обрез венчика с внешней и внутренней стороны либо с одной стороны орнаментирован насечками. Такие же насечки имеются и по внешнему контуру днищ. Один венчик – с налепным расчлененным валиком и с насечкой по краю. Аналогичный венчик был найден на поселении Бор I в Среднем Прикамье. О.Н. Бадер относит этот венчик к плоскодонной керамике [Бадер, 1961б, с. 54, рис.27, 7].

На фрагментах стенок орнамент, как правило, разреженный: включают отдельные ряды наколов, в двух случаях – горизонтальный зигзаг из наколов, нанесенных тонкой заостренной палочкой, прочерченных линий, нередко расположенных под углом друг к другу. Один фрагмент маленького сосуда сплошь орнаментирован частыми глубокими наколами с подтреугольным дном (рис. 7, 8).

Следующий комплекс – керамика эпохи бронзы. В него вошли 118 фрагментов, из них 90 фрагментов с рыхлым, пористым тестом. На поверхности обнаружены многочисленные выщерблены от выгоревших при обжиге органических примесей. Фрагменты серо-желтого цвета, некоторые – коричневатых тонов. На внутренней, реже – внешней, поверхности хорошо различимы параллельные бороздки, образовавшиеся при сглаживании сосудов зубчатым орудием. Толщина фрагментов от 0,7 до 0,9 см.

Судя по фрагментам, сосуды были с прямыми или слегка вогнутыми внутрь венчиками. Обрезы венчиков скруглены или срезаны горизонтально. Один венчик, сплюснутый сверху, Г-образной формы.

Разреженный орнамент, видимо, покрывал всю внешнюю поверхность сосудов. Двадцать небольших фрагментов без орнамента относятся скорее к неорнаментированным участкам сосуда, чем к неорнаментированным сосудам. Орнаментальные композиции состоят из рядов длинных наклонных гребенчатых оттисков, разделенных рядами горизонтальных оттисков; из рядов оттисков, наклон которых в соседних рядах направлен в разные стороны; из рядов коротких гребенчатых оттисков, разделенных неорнаментированными поясами шириной до 3 см. Один фрагмент – от небольшого сосуда, орнаментированного глубокими наколами подчетыреугольной формы. Два венчика орнаментированы по обрезу: в одном случае имеется ряд наклонных гребенчатых оттисков, в другом – наклонные оттиски гладкого штампа. У трех сосудов на внутреннем крае обнаружены ряд коротких гребенчатых оттисков (2), горизонтальный зигзаг из недлинных оттисков (1).

Плотное тесто с примесью шамота и очень мелкого песка имеют 28 фрагментов. Пустоты в них от органических примесей почти отсутствуют. Внешняя поверхность хорошо заглажена. Иногда на внутренней поверхности различимы тонкие штрихи. Следов обработки сосудов зубчатым орудием не обнаружено. Толщина стенок 0,8 – 1,0 см. Фрагменты имеют серо-желтый цвет, изредка красноватого оттенка. На одном венчике выявлена коническая сверлина, с внешним диаметром 0,8 см, с внутренним – 0,4 см (рис.5, 2).

Орнаментальные композиции состоят из рядов клиновидных оттисков гладкого штампа, разделенных горизонтальным зигзагом из таких же оттисков; рядов овальных оттисков гладкого штампа, с неорнаментированными поясами, шириной 3,5 см; рядов наклонных гребенчатых оттис-

ков. На одном фрагменте плохо различима «шагающая гребенка» (рис.5, 1-8).

Комплекс керамики эпохи бронзы имеет элементы сходства с керамикой поселения Бор I [Бадер, 1961б, с. 22–67]

В коллекцию вошли два фрагмента венчиков с веревочным орнаментом. Один венчик весьма близок к опубликованному А.В. Шмидтом [Шмидт, 1940, с. 23, рис. 2]. Другой, с подчетырёхугольными сквозными отверстиями, менее профилирован, приближается к прямому. В глиняном тесте этого фрагмента есть очень незначительная примесь талька.

V

Оценивая описанный материал Лёвшинского памятника в историко-культурном плане, необходимо прежде всего выделить из массы лёвшинского каменного материала кремневые изделия микролитического характера и датировать его позднемезолитическим временем. Эта древнейшая в районе стоянка занимала среднюю, наиболее высокую часть дюны, что не раз отмечалось для этого рода памятников [Бадер, 1957].

Особенностью кремневого инвентаря Лёвшинской мезолитической стоянки является наличие единичных наконечников стрел из ножевидных пластинок (рис. 2: 1-2) с выделенными короткими черешками и остриями, несущими тонкую плоскую подретушовку со стороны брюшка. Как известно, подобные наконечники характерны для волго-окского мезолита, но в Приуралье в мезолитических комплексах до сих пор известны не были [Бадер, 1966]. Однако принадлежность их к мезолитическому комплексу в Лёвшине нельзя считать абсолютно достоверной по причине залегания их не в стратиграфически выраженном мезолитическом слое, а также потому, что единичные находки аналогичные наконечники известны в низовьях Чусовой, на стоянках времени развитой бронзы (например, на поселении Бор V) [Бадер, 1961б, с. 61].

Далее, первая, более древняя и основная группа керамики по всем основным признакам является неолитической. Но она обладает некоторыми особенностями, придающими ей более поздние черты: 1) форма сосудов преимущественно цилиндрическая, с прямыми шейками; 2) шейки сосудов чаще равны по толщине стенкам (46%), нередко даже тоньше стенок, а венчики тоньше шеек (9%); 3) часть сосудов имеет орнамент на внутренней стороне венчиков в виде ряда косо направленных отпечатков зубчатого штампа, часто встречающийся на гаринской и борской керамике; 4) более трети сосудов (37%) украшены орнаментом в виде остроугольного зигзага («шагающей гребенки»), как известно, более распространенного на гаринском этапе турбинской культуры.

Судя по описи коллекции раскопок 1925 г., хранящейся в Пермском музее, и по полевым этикеткам А.В. Шмидта, первый, более ранний из описанных керамических комплексов составлен из материалов всей лёвшинской дюны. Если принимать во внимание только сосуды, части которых имеют вполне надежные этикетки, то в основном раскопе найдены фрагменты 50 сосудов раннего комплекса, в 1-м местонахождении части 15 сосудов, в 3-м – 5, в 4-м и 5-м, включая «дальний холм», – по одному сосуду. Из этого следует вывод о распространении поздненеолитической Лёвшинской стоянки на всё или почти всё пространство дюны, т.е. о значительных размерах ранней стоянки. Об одновременности и взаимной связи всех ее частей, отраженной в материалах раскопок, свидетельствует тот факт, что обломки одного из сосудов (№ 55) найдены как в главном раскопе, так и в двух юго-западных (Ш и I).

С другой стороны, сосуды более позднего, гаринского, керамического комплекса (с растительными примесями в глине) обнаружены А.В. Шмидтом только в главном раскопе (23 хорошо этикетированных сосуда). Это свидетельствует о более узкой локализации стоянки данного времени (рис. 1), о её незначительности на лёвшинской дюне.

Весьма близкая к рассмотренной керамика происходит с Нижнеадищевской стоянки, расположенной неподалеку вверх по Чусовой [Прокошев, 1940а, табл. II], а также с Нижнеадищевской II, Верхнеадищевской [Бадер, Соколова, 1953] и Астраханцевской [Бадер, 1959] стоянок. Надо полагать, близ устья Чусовой находилась целая группа синхронных финально-неолитических стоянок, из которых наиболее крупной была Лёвшинская.

При сравнении Лёвшинского памятника на основе анализа керамики с другими стоянками Чусовского Прикамья обнаруживается наибольшая близость ее с Астраханцевской стоянкой на оз. Грязном [Бадер, 1959]. Различие заключается лишь в количественных показателях: в лёвшинское время на озере Грязном была небольшая стоянка неподалеку от более крупной Лёвшинской, в астраханцевское время жизнь на Лёвшинской стоянке не прекратилась. Более четко соотношение обе-

их групп керамики Лёвшинской стоянки определяется на Астраханцевском поселении: здесь в раскопанном нами в 1950 г. жилище найдена исключительно керамика позднего, астраханцевского, типа, керамика же основного, лёвшинского, типа залегала в культурном слое вне жилища, что говорит о существовании на месте жилищ остатков более древнего поселения, синхронного Лёвшинскому.

Таким образом, основной, более древний, керамический комплекс Лёвшинской стоянки обладает еще неолитическими чертами, не является относительно поздним, включает керамику, по некоторым признакам переходной к керамике астраханцевского, гаринского типа бронзовой эпохи.

Каменный постмезолитический инвентарь можно связывать как с неолитической, так и с гаринской керамикой Лёвшинского памятника. Так, в нем представлены наконечники стрел как листовидной, неолитической формы, так и формы с усеченным основанием, типичной для гаринских поселений турбинской культуры (рис. 6).

Вопрос приуроченности трех металлических изделий с Лёвшинской стоянки к одному из двух ранних керамических комплексов не может быть решен определенно. А.В. Шмидт, учитывая находку медного обломка на значительной глубине, считает, что «медные изделия одновременны основной массе находок» [Шмидт, 1940, с. 25] Лёвшинской стоянки. На этом основании он использует медный нож со стоянки для ее датировки. Проведя ряд типологических аналогий в степной полосе Восточной Европы (докатакомбное время) [Schmidt, 1929], в бодрог-керастурской культуре Венгрии [Hillebrand, 1923] и на Древнем Востоке, позволяющих датировать 2300 г. до н.э., А.В. Шмидт предположил, что медные нож и шило являлись «степным импортом, сделанным по еще более южным образцам», а бытование их на Лёвшинской стоянке отнес к концу III – рубежу III и II тыс. до н.э.

Иное мнение высказал Е.Н. Черных. Основываясь преимущественно на результатах анализов химического состава металлических изделий Волго-Уралья, он пришел к выводу, что Лёвшинский нож – «не импортный. Он изготовлен из местного металла и типологически относится к гаринско-борскому типу ножей с игловидным черенком. Стало быть, никакого хронологического значения эта находка играть не может» [Черных, 1970, с. 104].

При оценке столь противоречивых мнений нужно принять во внимание заключение доцентов Пермского университета минералога Ю.М. Абрамовича и в особенности химика Г.Г. Кобяка (специально изучавшего пермские медистые песчаники), согласно которому естественные примеси к меди лёвшинского ножа не говорят об использовании в данном случае пермских медистых песчаников [Бадер, 1953, с. 42]. Кстати, результаты спектрального анализа лёвшинского ножа, выполненные А.Г. Поповой (Пермский университет) и лежащие в основе выводов упомянутых специалистов, не соответствуют химическому составу ножа, опубликованного в книге Е.Н. Черных. По А.Г. Поповой, к меди, из которой сделан нож, примешаны в ничтожном количестве олово, железо, никель и кремний; по данным Е.Н. Черных, медь ножа олова и кремня не содержит, но зато содержит серебро. Сейчас, когда мы располагаем данными более чем трех десятков анализов медных изделий из поселений гаринского и борского типов [Черных, 1970, с. 163], мы можем согласиться с тем, что лёвшинский нож сделан из меди, выплавленной из местных, приуральских, медистых песчаников, и, следовательно, не является импортным в широком смысле этого слова, поскольку на Лёвшинскую стоянку, не сохранившую никаких следов металлообработки, нож мог быть привезен из другого района Приуралья. Еще А.А. Иессен отмечал, что «подобные же архаичные изделия из меди в нескольких экземплярах известны в случайных находках в Татарской АССР» [Иессен, 1948, с. 61].

Не следует забывать о типологических особенностях лёвшинского ножа. Его нельзя просто объединять с черешковыми коваными ножами гаринского и борского этапов. Он имеет правильную, асимметричную форму и узкий черешок, тогда как другие ножи отражают грубую попытку подражать этой форме [Бадер, 1964, рис. 122]. Другими словами, лёвшинский нож (или наконечник колья) принадлежит к тому древнему типу, который известен и в Восточном Средиземноморье, и в Средней Европе, и на Кавказе [Куфтин, 1949]. Надо полагать, что его прототипом, образцом явился импортный нож, проникший в Прикамье с юга, скорее всего из области Кавказа, – уж очень близка его специфичная форма к южным аналогам. Надо принять во внимание то, что на Северном Кавказе близкие формы ножей встречаются на II–IV этапах развития инвентаря «больших кубанских курганов», в особенности в среднекубанской группе, относящейся, по А.А. Иессену [Иессен, 1950], ко II тыс. до н.э.

Лёвшинский нож, хотя и сделан из приуральского металла, все же типологически является относительно ранним.

Изложенные соображения однако не позволяют решить вопрос о принадлежности ножа к первому или второму из двух ранних керамических комплексов Лёвшинской стоянки. При обсуждении этого вопроса необходимо учитывать то, что грубый черешковый медный нож из приуральского металла был найден в раннегаринском жилище №1 Чусовского поселения Бор I вместе с плавильным тиглем и каплями меди [Бадер, 1961б]. Исходя из этого, возникновение металлообработки в Среднем Прикамье необходимо относить к раннегаринскому времени. Конечно, нельзя исключать и принадлежность лёвшинского ножа к раннегаринскому культурному комплексу. Однако нужно вспомнить, что на I Саузовской стоянке в раскопках 1956 г. на дне очажной ямы, непосредственно под крупными фрагментами поздненеолитического сосуда были найдены остатки разложившегося медного предмета. Маловероятно, чтобы он попал сюда в более позднее время.

Следовательно, лёвшинский нож, обладающий к тому же более четкой архаичной формой, можно относить и к керамике финально-неолитического типа стоянки, хотя доказать это нельзя. Граненое медное шило всего, вероятнее, связано с гаринским керамическим комплексом.

Предложение же С.Н. Бибикова отодвинуть абсолютную дату Лёвшинской стоянки ко второй половине 2 тыс. до н.э. [Бибиков, 1950, с. 129] представляется неприемлемым.

После подробного разбора материальной культуры Лёвшинской стоянки определен основной, неолитоидный, комплекс ее керамики, связанный с архаичным типом кремневых стрел иволкистой формы и, можно допустить, первыми медными предметами. Группа керамики с «накольчатый» орнаментом и плоскими днищами выглядит как своеобразный поздний вариант «накольчатой» керамики, связанный с ее нижнекамским ареалом. Комплекс керамики гаринского типа, включающий кремневые наконечники стрел с усеченным основанием и единичные медные предметы, отделен от основного комплекса как более поздний.

В этом новом, «очищенном», виде основной комплекс Лёвшинской стоянки сохраняет свое значение как эталонный тип материальной культуры для позднейшего этапа камского неолита, имеющего черты перехода к раннему, гаринскому, этапу турбинской культуры эпохи бронзы.

Таблица 1

Толщина стенок, сосудов, мм	Кол-во сосудов	
	Абс.	%
6	3	4
7	3	4
8	21	27
9	23	30
10	21	27
11	4	5
12	1	1
13	1	1
14	1	1

Таблица 2

Элемент орнамента	Кол-во сосудов	
	Абс.	%
зубчатый	96	96
ямочный	11	11
линейный	2	2
только зубчатый	87	87
только ямочный	3	3
только линейный	1	1
зубчатый + ямочный	8	8
зубчатый + линейный	1	1

Таблица 3

Толщина стенок, сосудов, мм	Кол-во сосудов	
	Абс.	%
5	1	5
6	2	10
7	5	25
8	6	30
9	3	15
10	3	15

Примечания

¹ Е.Л. Лычагина Статья подготовлена к печати при поддержке гранта ПСР 029а-Ф.

Библиографический список

- Бадер О.Н.* Краткая информация о палеоэтнологических полевых исследованиях Государственного музея Центрально-Промышленной области // Матер. к доистории Центрально-промышленного округа. М., 1927.
- Бадер О.Н.* Из новейших археологических исследований Чусовского отряда ГИН // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1949. Вып. 14.
- Бадер О.Н.* Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950.
- Бадер О.Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. 1951. № 22.
- Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1953) // Учен. зап. Молот. гос. ун-та. Харьков, 1953. Т. 9, вып. 3.
- Бадер О.Н.* Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. 1957. Вып. 13.
- Бадер О.Н.* Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) археол. экспедиции. Вып. 1. М., 1959.
- Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции. М., 1961а. В. 2.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961б. № 99.
- Бадер О.Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
- Бадер О.Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126.
- Бадер О.Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
- Бадер О.Н., Соколова З.П.* Новые стоянки Чусовского Прикамья // Учен. зап. Молотовского Государственного ун-та. Харьков, 1953. Т. 9, вып. 3.
- Бадер О.Н., Тихонов Б.Г.* Кама-Жулановская мезолитическая стоянка // Учен. зап. МГУ. М., 1954. Вып. 166.
- Бибиков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Вып. 13.
- Ефименко П.П.* До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я // Археологія. Київ, 1948. Вып. 2.
- Иессен А.А.* Уральский очаг древней металлургии // Первое Урал. археол. совещание. Пермь, 1948.
- Иессен А.А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Вып. 12.
- Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Вып. I.
- Прокошев Н.А.* К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья // МИА. 1940а. № 1.
- Прокошев Н.А.* Некоторые итоги изучения позднеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934–1937 гг.) // Бюл. Четверг. ком. 1940б. № 6-7.
- Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Чурилов Э.В.* Лёвшинский «этап» в прикамском неолите: критика источников // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.
- Шмидт А.В.* Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. Вып. 5.
- Hillebrand J.* Des Fruhkupferzeitliche Graberfeld von Pacztaist vanhaza // Arch. Hung. Budapest, 1923. Vol. 4.
- Schmidt A.* Die Kurgane der Staniza Konstantinovskaja. // Eurasia Sept. Antiqua. Helsinki, 1929. Vol. 4.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.02.2013

THE CULTURAL COMPLEXES OF THE LEVSHINO SITE NEAR PERM

O.N. Bader, I.V. Kalinina

Institute of Archaeology of Academy of Sciences of USSR, The State Hermitage, Dvortsovaya embankment, 34, 190000, Saint-Petersburg, Russia
irkalinina@yandex.ru

The Levshino site was discovered in 1891 by I.N. Glushkov. The settlement was excavated by A.V. Schmidt in 1925 and N.A. Prokoshev in 1934. The Levshino site was located on the first terrace above the floodplain of the left bank of the Chusovaya River in 3 km from its mouth.

The Levshino site is a reference site of the late Neolithic in the Urals. The authors analyzed the materials of the site, which were kept in various museums. The Levshino cultural complexes are as follows: the Mesolithic group of artifacts, the Neolithic comb ware pottery, the Neolithic pottery from the Trans-Urals, the Neolithic pricked ceramics and the complex of early metal ceramics of the Garinskaya culture. Single fragments of pottery are the examples of the Ananyino and Lomovatovo cultures.

The Levshino type of pottery is only a later Neolithic comb ware ceramics. It is characterized by such features as: 1) round-bottomed vessels mainly with the cylindrical upper part; 2) necks of the vessels are thinner than the walls, and the rims are often thinner than the necks; 3) some of the vessels have patterns on the inner side of the rims typical for the Garinskaya and the Borskaya cultures; 4) acute-angled print often occurs on the vessels.

The main complex of the Levshino site retains its value as a reference type of the material culture of the later stages of the Kama Neolithic culture. The flat-bottomed pricked ceramics pots were connected with the Lower Kama pricked ceramics.

The Levshino stage, as one of the final stages in the Kama Neolithic culture's evolution, is dated back to the second half of the 4th millennium BC. The ceramic complex of the Garinskaya type is referred to a later time.

Key words: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, stone equipment, ceramic complexes, the Kama Neolithic culture, the Garinskaya culture.

References

- Bader O.N.* Kratkaya informatsiya o paleoetnologicheskikh polevykh issledovaniyakh Gosudarstvennogo muzeya Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti // Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennogo okruga. M., 1927.
- Bader O.N.* Iz noveyshikh arkhologicheskikh issledovaniy Chusovskogo otryada GIN // Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda. 1949. Vyp. 14.
- Bader O.N.* Arkheologicheskie pamyatniki Prikam'ya. Molotov, 1950.
- Bader O.N.* Stoyanki Nizhneadishchevskaya i Borovoe ozero I na r. Chusovoy // MIA. 1951. № 22.
- Bader O.N.* Ocherk shestiletnikh rabot Kamskoy arkhologicheskoy ekspeditsii (1947–1953) // Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo un-ta. Khar'kov, 1953. T. 9, vyp. 3.
- Bader O.N.* Khronologiya formirovaniya allyuvial'nykh terras na Urale v arkhologicheskom osveshchenii // Trudy komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda. 1957. Vyp. 13.
- Bader O.N.* Astrakhantsevskoe poselenie v ust'e Chusovoy // Otchety Kamskoy (Votkinskoy) arkhologicheskoy ekspeditsii. Vyp. 1. M., 1959.
- Bader O.N.* Poseleniya u Boytsova i voprosy periodizatsii srednekamskoy bronzy // Otchety Kamskoy (Votkinskoy) ekspeditsii. M., 1961a. V. 2.
- Bader O.N.* Poseleniya turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e // MIA. 1961b. № 99.
- Bader O.N.* Drevneyshie metallurgi Priural'ya. M., 1964.
- Bader O.N.* Mezolit lesnogo Priural'ya i nekotorye obshchie voprosy izucheniya mezolita // MIA. 1966. № 126.
- Bader O.N.* Ural'skiy neolit // Kamennyi vek na territorii SSSR. M.: Nauka, 1970.
- Bader O.N., Sokolova Z.P.* Novye stoyanki Chusovskogo Prikam'ya // Uchenye zapiski Molotovskogo Gosudarstvennogo un-ta. Khar'kov, 1953. T. 9, vyp. 3.
- Bader O.N., Tikhonov B.G.* Kama-Zhulanovskaya mezoliticheskaya stoyanka // Uchenye zapiski MGU. M., 1954. Vyp. 166.
- Bibikov S.N.* Neoliticheskie i eneoliticheskie ostatki kul'tury v peshcherakh Yuzhnogo Urala // SA. 1950. Vyp. 13.
- Efimenko P.P.* Do pitaniya pro dzherala kul'turi pizn'oi bronzy na teritorii Volgo-Kam'ya // Arkheologiya. Kiiv, 1948. Vyp. 2.
- Jessen A.A.* Ural'skiy ochag drevney metallurgii // Pervoe Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie. Perm', 1948.
- Jessen A.A.* K khronologii «bol'shikh kubanskikh kurganov» // SA. 1950. Vyp. 12.
- Kuftin B.A.* Materialy k arkheologii Kolkhidy. Tbilisi, 1949. Vyp. I.
- Prokoshev N.A.* K voprosu o neoliticheskikh pamyatnikakh kamskogo Priural'ya // MIA. 1940a. № 1.
- Prokoshev N.A.* Nekotorye itogi izucheniya pozdneoliticheskikh stoyanok rayona ust'ya r. Chusovoy (1934–1937 gg.) // Byulleten' Chetvert. Kom. 1940b. № 6–7
- Tikhonov B.G.* Metallicheskie izdeliya epokhi bronzy na Srednem Urale i v Priural'e // MIA. 1960. № 90.
- Chernykh E.N.* Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya. M., 1970.
- Churilov E.V.* Levshinskiy «etap» v prikamskom neolite: kritika istochnikov // Shestye Bersovskie chteniya. Ekaterinburg,

2011.

Shmidt A.V. Stoyanka u stantsii Levshino // SA. 1940. Vyp. 5.

Hillebrand J. Des Fruhkupferzeitliche Graberfeld von Pacztaist vanhaza // Arch. Hung. Budapest, 1923. Vol. 4.

Schmidt A. Die Kurgane der Staniza Konstantinovskaja // Eurasia Sept. Antiqua. Helsinki, 1929. Vol. 4.

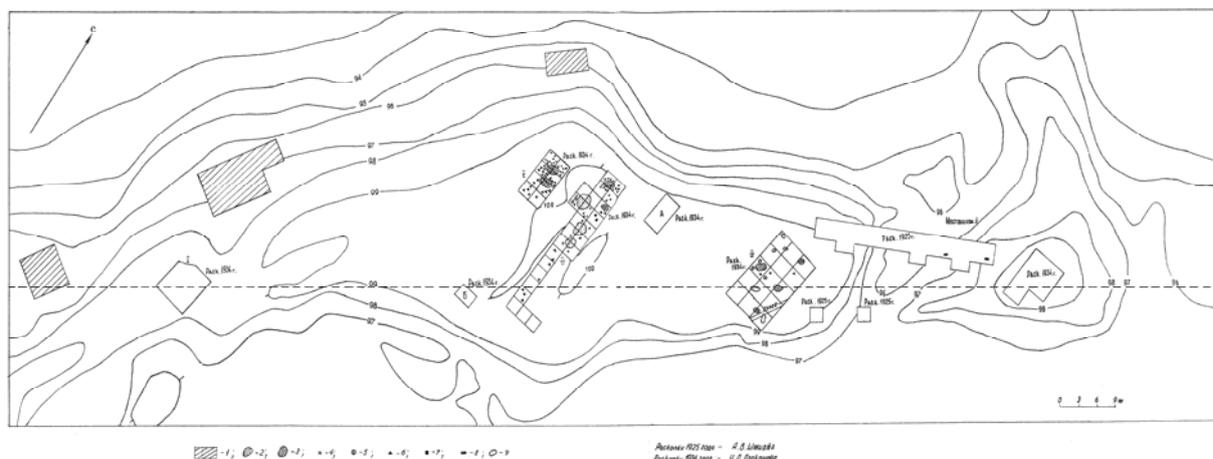

Рис. 1. Общий план Лёвшинской стоянки. Шм. – раскопки А.В. Шмидта, I–V – раскопки Н.А. Прокошева. Высота сечения горизонталей 1 м

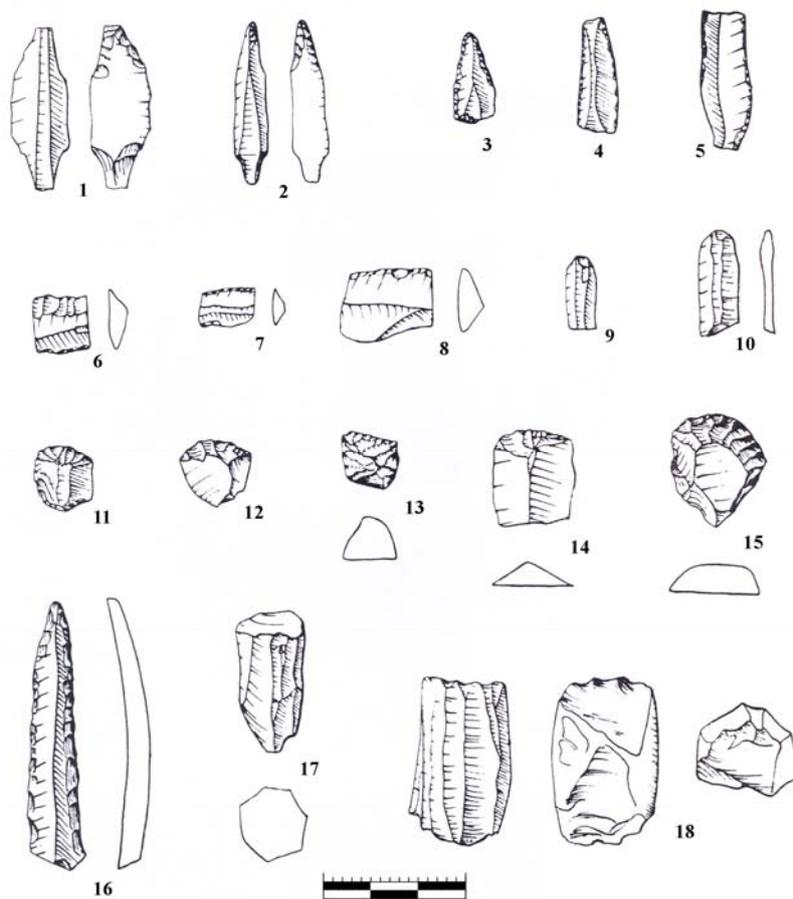

Рис. 2. Мезолитический кремневый инвентарь из раскопок Н.А. Прокошева 1934 г. (хранится в ГЭ). 10 – из сборов С.И. Сергеева (хранится в Свердлов. обл. музее)

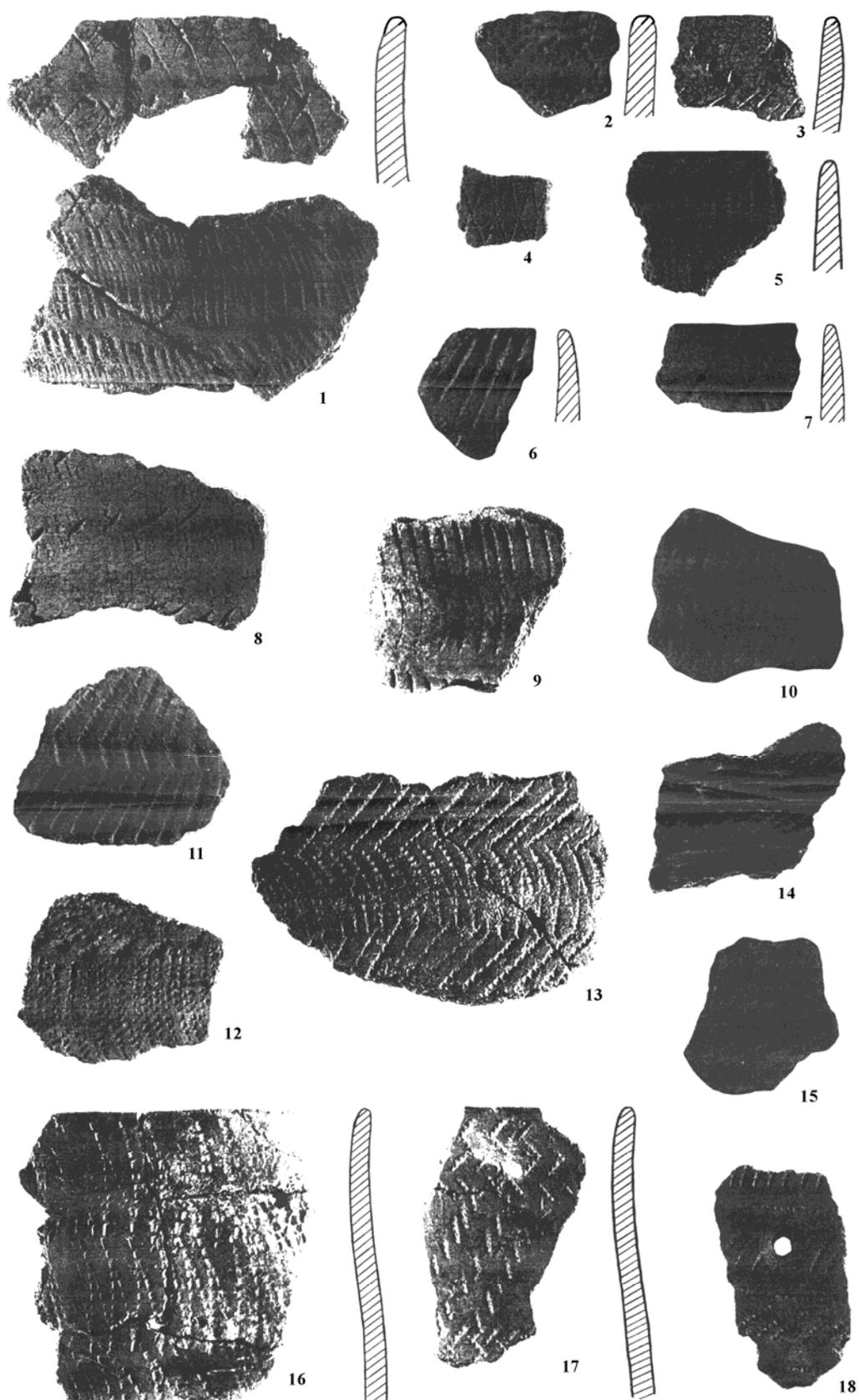

Рис. 3. Керамика поздненеолитического типа

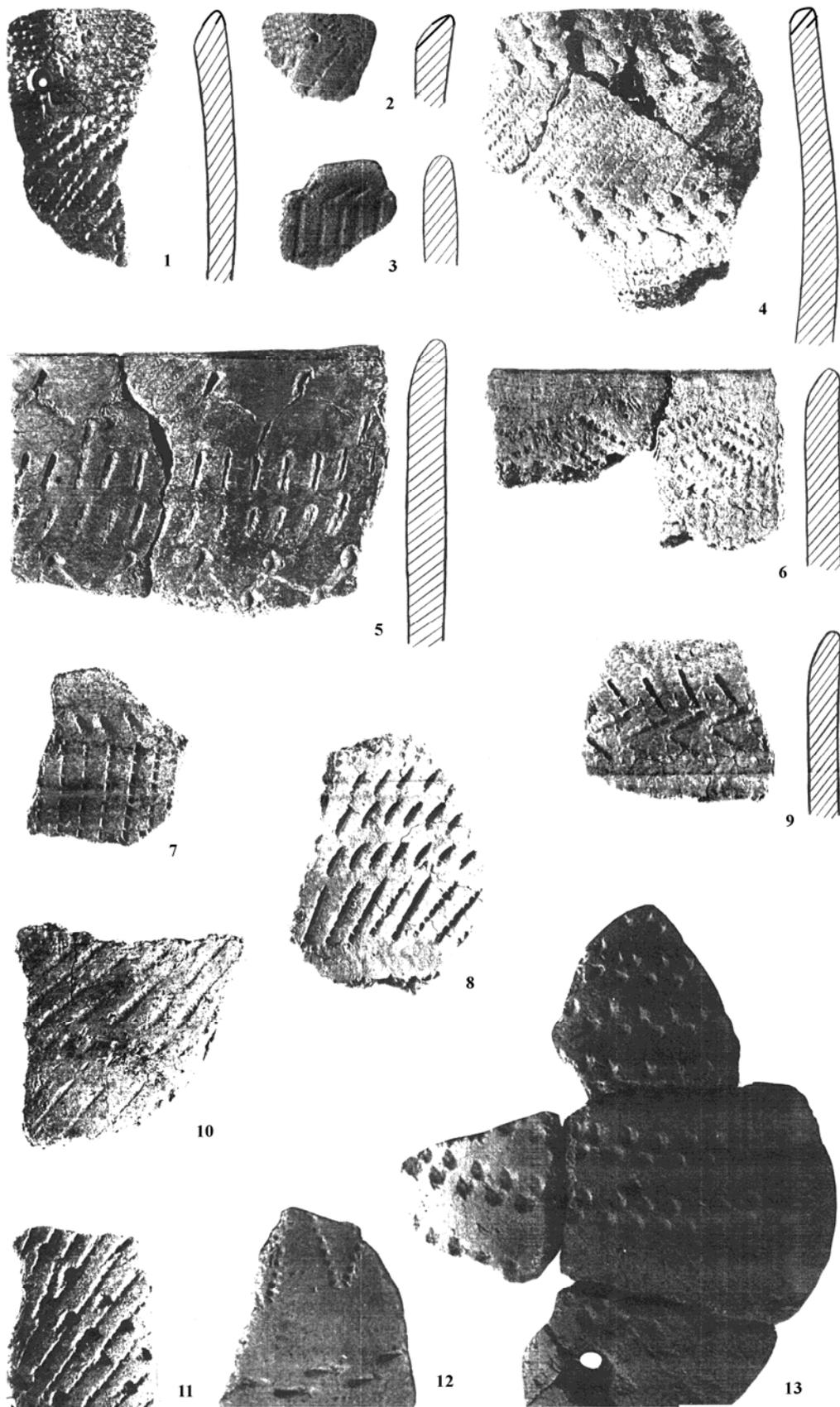

Рис. 4. Керамика поздненеолитического типа

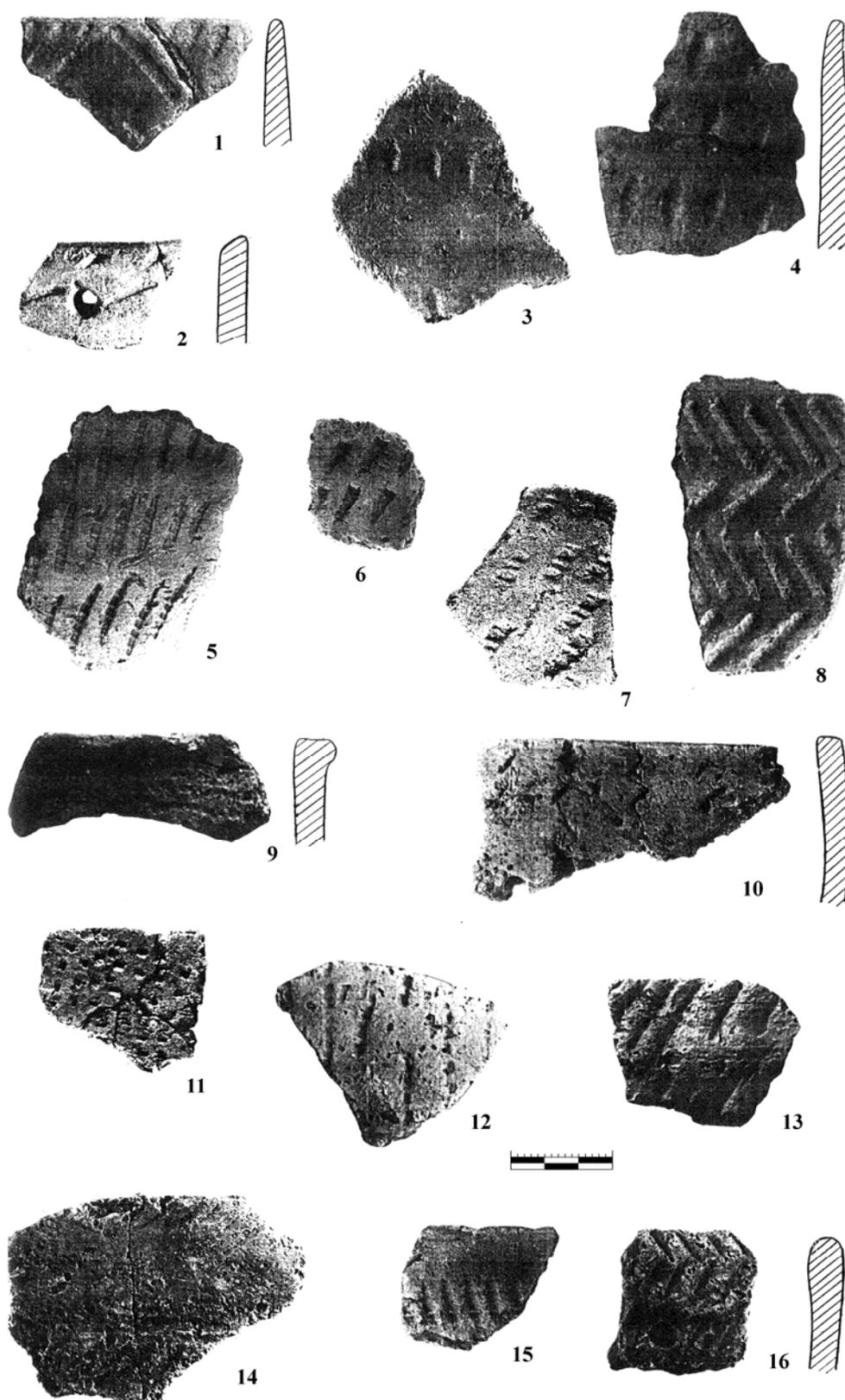

Рис. 5. Керамика новильинского (1-8) и гаринского (9-16) типов

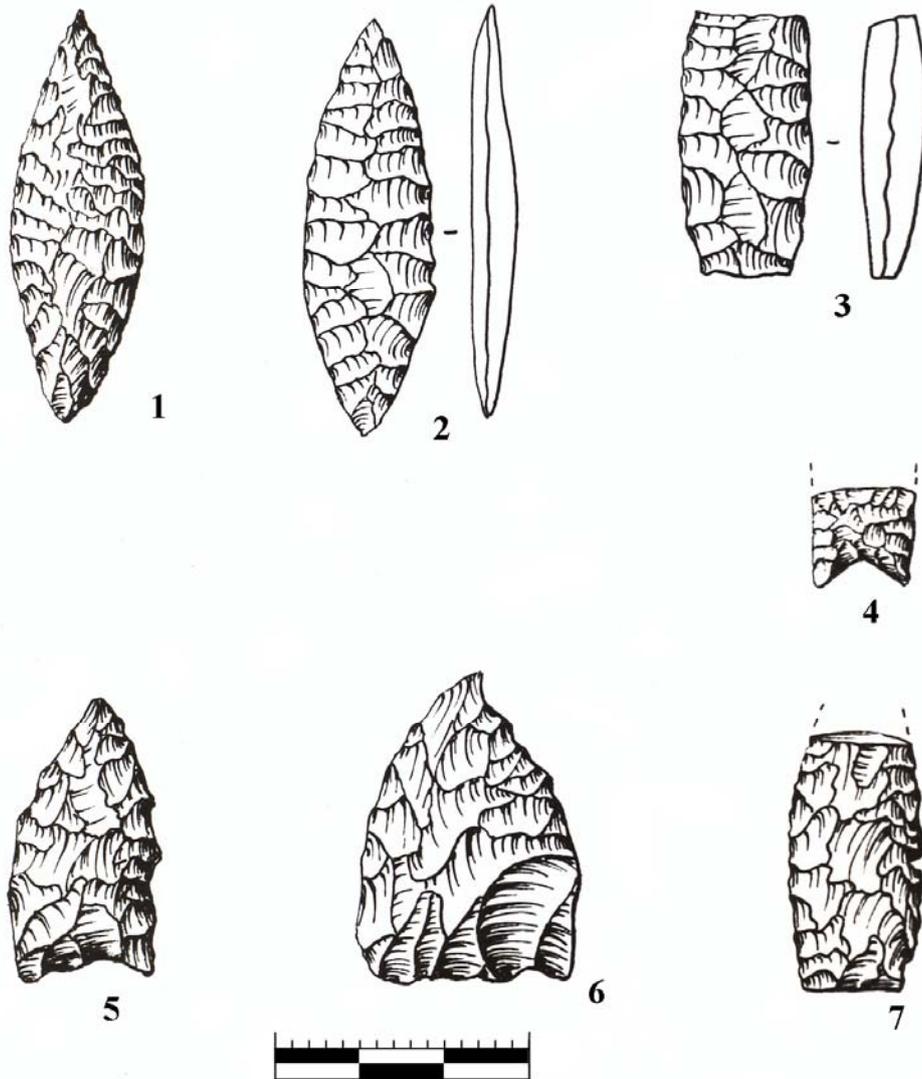

Рис. 6. Кремневые наконечники стрел неолитического (1, 2) и гаринского (3–7) типов (1,4–7 – из раскопок А.В. Шмидта 1925 г.; 2,3 – из сборов С.М. Сергеева)

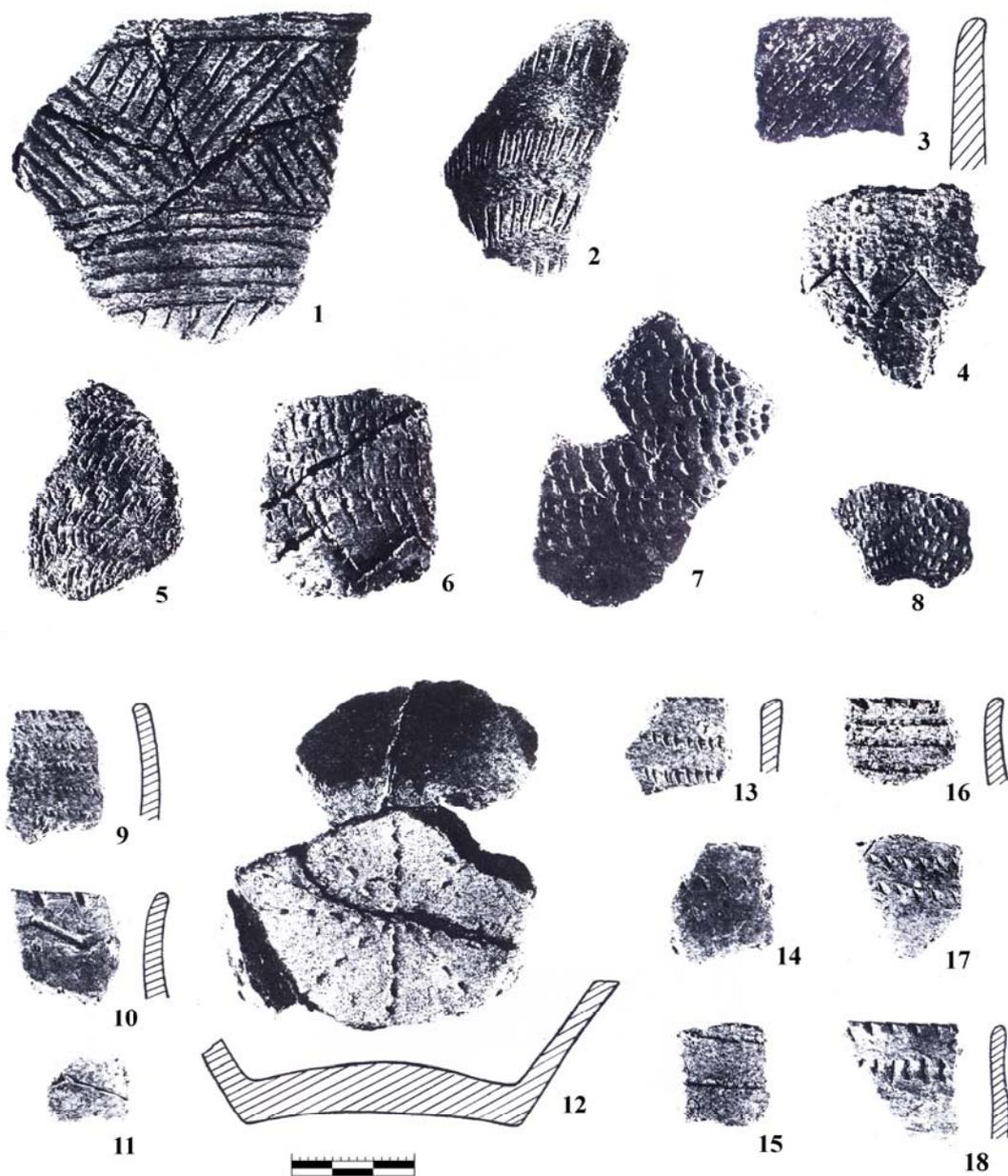

Рис. 7. Керамика поздненеолитического типа